

Учение о разграничительной, или делимитативной, функции звука¹

I. Предварительные замечания

Любой язык, помимо фонологических средств, которые служат для различения значимых единиц (семем), обладает некоторым числом средств, способствующих разграничению этих единиц. Эти две функции звука — смысловоразличительную и делимитативную — необходимо строго различать. Смысловоразличительная функция, безусловно, необходима; отдельные звуковые комплексы, соответствующие определенным значимым единицам, должны быть различными, чтобы не смешиваться друг с другом. Чтобы каждый из этих звуковых комплексов был в достаточной мере индивидуализован, он должен обладать определенными «звуковыми приметами», расположенными в определенном порядке. При этом каждый язык обладает лишь ограниченным количеством «примет», которые по определенным правилам сочетаются в звуковые комплексы, являющиеся носителями значений. Иначе и не может быть, ибо это вытекает из самого существа человеческого языка. Что касается внешнего разграничения значимых звуковых комплексов, то оно не является безусловно необходимым. Эти комплексы могут следовать друг за другом в непрерывном потоке речи, не нуждаясь при этом в специальном обозначении границ между ними. Большей частью мы безошибочно узнаем из совокупного контекста, где находится та или иная «звуковая примета» (реализованная фонема): в конце одного или в начале другого, следующего за первым осмысленного звукового комплекса (= слова или морфемы). Возможность недоразумений, как правило, крайне незначительна, главным образом потому, что при восприятии любого языкового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определенную, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере. Если все же каждый язык имеет особые фонологические средства, которые в определенном пункте непрерывного звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ предложения, слова или морфемы, то эти средства играют всего лишь подсобную роль. Их можно было бы сравнить с сигналами

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935, стр. 30 и сл.; *Die phonologischen Grenzsingale* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, Cambridge, 1936, стр. 45 и сл.).

уличного движения. Ведь еще совсем недавно таких сигналов не было даже в больших городах, да и теперь они введены далеко не всюду. Можно ведь и вообще обходиться без них: надо быть только более осторожным и более внимательным. Поэтому-то они и устанавливаются не на всех перекрестках, а только на некоторых. Сходным образом и языковые средства разграничения встречаются обычно не всюду, где они в принципе возможны, а лишь кое-где. Разница между теми и другими заключается только в том, что сигналы уличного движения устанавливаются всегда на «особо опасных» перекрестках, тогда как распределение разграничительных средств в большинстве языков кажется совершенно случайным. Это, очевидно, связано с тем, что движение транспорта регулируется сознательно и искусственно, тогда как язык образуется и развивается органически. И тем не менее по своей психологической сущности средства разграничения в языке сходны с сигналами уличного движения: и те и другие рассчитаны на то, чтобы разрядить в соответствующих местах напряжение нашего внимания.

Все средства разграничения в языке мы называем пограничными сигналами. Их можно классифицировать с различных точек зрения. Во-первых, по их отношению к смысловозначительной функции, во-вторых, по их однородности или сложности, в-третьих, по тому, что они указывают: наличие или отсутствие границы, и, наконец, в-четвертых, по тому, какую границу они обозначают (то есть границу слова, или морфемы, или предложения). Чтобы охарактеризовать какой-либо язык, весьма важно установить, какие типы пограничных сигналов господствуют в нем и как часто они применяются; это означает, что делимитивная функция звука требует особой статистики.

II. Фонематические и афонематические пограничные сигналы

Выше, при рассмотрении структурно-обусловленных типов нейтрализации (стр. 251), нами было установлено, что в отдельных языках определенные смысловозначительные оппозиции возможны либо только в начале, либо только в исходе значимой единицы (слов или морфем) и нейтрализуются во всех прочих положениях. В этих случаях маркированные члены соответствующих оппозиций, помимо фонематических (смысловозначительных) свойств, обладают еще свойством пограничного сигнала, поскольку они появляются лишь на границах (в начале или в конце) значимой единицы. Так обстоит, например, дело с придыхательными:

смычными в шотландском (гаэльском) диалекте острова Барра, с придыхательными и рекурсивными согласными в восточнобенгальском, с рекурсивными смычными и эмфатическими палатализованными согласными в чеченском и т.д. Равным образом назализованные и долгие гласные, а также гласные среднего ряда (у, ø, э) в шотландском диалекте острова Барра и все лабиализованные гласные (ū, u, ō, o) в казымском диалекте хантыйского языка¹ являются одновременно фонемами и пограничными сигналами, поскольку они встречаются только в начальных слогах слова и фонологически противоплагаются в этом положении соответствующим немаркированным гласным. Во всех этих случаях речь идет о редуктивной нейтрализации всех корреляций в «непериферийном положении», благодаря чему вся совокупность маркированных фонем в «периферийном положении» превращается в пограничные сигналы. Может, однако, случиться, что редуктивной нейтрализации подвергаются не корреляции, а единичные привативные оппозиции фонем. Однако и в этом случае результат будет тот же: объединение смыслоразличительной функции у маркированного члена соответствующей оппозиции с делимитативной функцией (немаркированный член в этом случае, как и в рассмотренных выше, будет нести лишь смыслоразличительную функцию). Так, например, в древнегреческом противоположение придыхательного приступа (*spiritus asper*) и непридыхательного приступа (*spiritus lenis*) имело место только в начале слова. Придыхательный приступ являлся, таким образом, одновременно и фонемой и сигналом начала слова (ὤς «как» — ὤς «ухо», ἕξ «шесть» — ἕξ «из»). В западном нуэр противоположение по звонкости свойственно смычным всех локальных рядов; не нейтрализуясь в лабиальном и обоих апикальных рядах, оно подвержено редуктивной нейтрализации в гуттуральном и палатальном рядах: поэтому фонемы g и ʃ возможны только в начале слова, являясь, таким образом, одновременно и фонемами и пограничными сигналами².

Помимо этих фонематических пограничных сигналов, во многих языках имеются еще особые афонематические сигналы. Под афонематическими пограничными сигналами мы понимаем ограниченные периферийными позициями комбинаторные варианты фонемы, которая возможна и в других позициях.

¹ Ср. В.К. Штейниц, Хантыйский (остяцкий) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 200 и сл.

² Ср. J.P. Crazzola, *Outlines of a Nuer grammar*, «Linguistische Bibliothek Anthropos», XIII, 1933

Так, например, шумные тамильского языка реализуются в начале слова как придыхательные глухие смычные (p^h , t^h , k^h), а в середине — то как звонкие, то как щелевые (при геминировании — как непридыхательные смычные)¹. Таким образом, в этом языке p^h , t^h , k^h являются только пограничными сигналами: противоположение k^h —х или k^h —g (а также p^h —v или p^h —b и t^h —δ или t^h —d) не выполняет смыслоразличительной функции, то есть используется не для различения слов, а только для их разграничения, поскольку k^h (и соответственно p^h , t^h) постоянно сигнализируют начало слова. В том же языке краткое и реализуется в конце слова в виде нелабиализованного гласного заднего ряда верхнего подъема («ш»); поскольку такая реализация в других положениях не встречается, звук ш оказывается только сигналом конца слова, а противоположение и—ш имеет делимитативную, а не смыслоразличительную функцию. В японском языке g и η относятся друг к другу как комбинаторные варианты одной фонемы, поскольку g возможно только в начале слова, а η — только в положении между гласными; таким образом, противоположение g : η в этом языке не может дифференцировать пары слов; это противоположение выполняет делимитативную функцию, поскольку g всегда указывает на начало слова. Во многих языках некоторые фрикативные реализуются в начале слова как «аффрикаты»: в верхнелужицком глухое гуттуральное фрикативное x в конце морфемы произносится как гуттуральная аффриката kx (пишется «kh»). Аналогичное явление можно наблюдать и в некоторых диалектах бурят-монгольского языка (например, в аларском говоре)², в сосвинском диалекте мансийского языка s реализуется как особого рода аффриката «с»³, а в уже упомянутом западном диалекте нуэр фонема, реализующаяся всюду как f, в начале слова произносится как лабиодентальная аффриката p̥ (= pf). Во всех этих языках соответствующие аффрикаты являются лишь комбинаторными вариантами соответствующих фрикативных и употребляются только в качестве сигналов начала слова (или морфемы). Афонематическим пограничным знаком является далее «сильный приступ» в таких языках, как немецкий, армянский, в южных диалектах польского, богемских диалектах чешского и т.д.; это не фонема, а лишь само собой разумеющийся способ произнесения

¹ Cp J R Firth, A short outline of Tamil pronunciation (Offprint of the new and revised edition of Arden's, «Grammar of common Tamil», 1934)

² Cp Н Н П о п п е, Аларский говор, «Материалы комиссии по исследованию монгольской и тувинской народных республик», II, Л., АН СССР, 1930

³ Cp В Н Ч е р н е ц о в, Мансийский (вогульский) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 171

гласного¹ в начале морфемы². Но в финском языке гортанная смычка является фонематическим пограничным сигналом; она встречается только после гласных в конце слова, но противостоит в этом положении «слабому отступу» (например, *vie'* «неси!», *vie* «он несет»).

Афонематическим пограничным сигналом является, наконец, так называемое «несвободное», или «связанное», ударение. Так как это ударение во всех словах с одинаковым числом слогов (или мор) во всех случаях падает на один и тот же слог (или мору), то место этого ударения не может дифференцировать значения слов. Оно свидетельствует только о том, в каком отношении к границе слова находится ударная просодема³. В подавляющем большинстве языков этого типа «связанное» (динамическое) ударение падает на первый слог слова: таковы газельский, исландский, саамский (лопарский), финский, ливский, верхне- и отчасти нижнелужицкий, чешский, словацкий, венгерский, чеченский, даргинский, лакский, ненецкий (юрако-самоедский), нганасанский (тавгийский), энецкий (енисейско-самоедский), мансийский (вогульский), якутский, монгольский, калмыцкий и прочие языки. В других языках «связанное» ударение падает на последний слог, например в армянском, тавдинском диалекте мансийского языка, в подавляющем большинстве тюркских языков, в тютатулабал (шошонская группа юто-ацтекских языков) и др. Таким образом, во всех этих языках динамическое ударение указывает на то, каким слогом начинается или кончается слово. В некоторых других языках «связанное» ударение отделено от периферии слова просодемой, иными словами, оно покоится либо на второй, либо на предпоследней просодеме слова. Этот тип «связанного» ударения нередок, но, как кажется, встречается только в ограниченных географических областях. В Европе постоянное ударение на предпоследнем слого представлено в польском (за исключением кашубских диалектов), в граничащих с ним диалектах чешского, словацкого и в восточных диалектах нижнелужицкого⁴; то же «пэнультимное» ударение гос-

¹ У финских лингвистов Jorruhenkonen «конечное придыхание» (см. А Х а к к и н е н, Развитие и структура финского языка, М., 1953, стр. 47 и 296). — *Прим. перев.*

² В немецком языке такое произношение наблюдается, кроме того, еще в середине слова в «позиции хиагуса» (например, Theater), однако слова с неразложимым морфологически рядом двух гласных являются в немецком языке заимствованиями. Таким образом, здесь мы имеем случай использования пограничного сигнала в качестве признака заимствования (см. ниже).

³ Ср. Р Я к о б с о н, О чешском стихе, Берлин, 1923, стр. 26 и сл. и в *Mélanges van Ginneken*, стр. 26 и сл.

⁴ Ср. Л Ш е р б а, Восточнолужицкое наречие, Петроград, 1915, стр. 35 и сл. и Z d S t i e b e r, Stosunki prokrewnieństwa języków łużyckich, Kraków, 1934, стр. 70 и сл.

подствуе́т в некоторых болгарских диалектах Македонии и Албании¹. На предпоследней м о р е слова покоилось ударение в вымершем полабском. Однако основная область распространения постоянного экспираторного ударения на предпоследнем слоге находится не в Европе, а в Африке, где оно, как кажется, охватывает все языки банту. Что же касается фиксированного ударения на второй просодеме, то оно, видимо, особенно широко распространено в американских языках: выше (при рассмотрении просодических признаков в моросчитающих языках) мы уже упоминали о южном пайуте и майду, в которых главное экспираторное ударение падает на вторую мору слова (стр. 202). Во всех этих случаях, когда ударение отделено от «периферии слова» просодемой, оно сигнализирует не непосредственно границу, а лишь близость ее, причем расстояние между ударением и границей слова остается величиной постоянной. Возможны и более сложные случаи, например постоянное ударение на третьем слоге с конца в некоторых болгарских говорах Македонии² или ударение на предпоследней море перед последним слогом в классическом латинском языке. Все эти типы ударения, регулируемые автоматически числом просодем, не способны дифференцировать значения слов, сигнализируя лишь близость границы слова и являясь, таким образом, афонематическими пограничными сигналами.

Поскольку «связанное» ударение указывает на границу слова, оно, собственно говоря, имеет смысл лишь внутри предложения. В том языке, где последний слог каждого слова находится под ударением и, таким образом, указывает на конечную границу слова, такое конечное ударение фактически можно было бы свободно опускать в последнем слове предложения, поскольку в этом случае конечная граница слова и без того достаточно обозначена конечной паузой предложения. Это в действительности и наблюдается во многих языках. Согласно Е.Д. Поливанову³, в корейском языке каждое слово имеет ударение на последнем слоге и только в последнем слове предложения ударение падает на начальный слог. Во всех словах узбекского языка ударение падает на последний слог, и только глагольные формы претерита имеют главное ударение на первом слоге, что, по мнению Поливанова (очень правдоподобному), связано с известной синтаксической особенностью тюркских языков, которая состоит в том, что *verbum finitum* ставится в конце предложения. Этой особенностью, пожалуй, можно объяснить и «оттягивание» ударения с последнего слога в некоторых глагольных формах турецкого языка (например, в настоящем

¹ В том числе, например, диалект Бобоштица; ср. A. Mazon, *Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud*, Paris, 1936.

² Ср. Б. Цонев, *История на българския език*, София, I, 1919, стр. 465 и сл.

³ E.D. Polivanov, *Zur Frage der Betonungsfunktionen*, TCLP, VI, стр. 80 и сл.

времени на -jog-, в вопросительных формах и т.д.). В чешском языке, где «связанное» ударение находится на первом слоге слова, односложные союзы типа *a* «и», *že* «что» не имеют ударения, поскольку они большей частью начинают предложение, а начало предложения не нуждается в особом обозначении. Правда, во многих языках, имеющих «связанное» ударение, правила ударения уже настолько автоматизировались, что границы предложения вовсе не принимаются во внимание¹.

III. Единичные и групповые сигналы

Рассмотренные в предыдущем разделе пограничные сигналы могут быть названы единичными, поскольку там речь шла либо об отдельной фонеме, которая возможна лишь на границе слова или морфемы, либо о комбинаторном варианте отдельной фонемы, связанном с определенной периферийной позицией². Имеются, однако, иного рода пограничные сигналы, представляющие собой особые сочетания (фонематические или афонематические) единиц, которые встречаются лишь на границах двух слов или морфем и сигнализируют таким образом об этой границе. Их можно назвать групповыми сигналами.

Фонематический групповой сигнал представляет собой сочетание ряда фонем, возможное лишь на границах между двумя значимыми единицами. При этом первая часть такого сочетания принадлежит концу одной значимой единицы, а вторая — началу другой значимой единицы. Такие пограничные сигналы особенно многочисленны и разнообразны. В немецком в качестве таких сигналов можно было бы назвать, например, сочетания «согласный + *h*» (*ein Haus, an-halten, Wesen-heit, der Hals, ver-hindern, Wahrheit* и т.д.), «носовой + плавный» (*an-liegen, ein-reden, irr-tüm-lich, um-ringen*), далее *nm, pm, km, tzm, fm, mw, mg, mch, mtz, nb, np, ng* (то есть *ng* в противоположность *η*), *nf, nw, pw, pfw, fw, chw, spf, schpf, schf, schz, ssch, fp, fk, fch, chf, chp, chk* и т.д., если ограничиться только двучленными групповыми сигналами;

¹ Во французском языке мы имеем совершенно особый случай. Здесь ударение не имеет никакого отношения к разграничению слов. Его функция заключается лишь в членении речи на предложения, отрезки предложений и речевые такты (*Satztakt*). Если в изолированном слове ударение всегда падает на последний слог, то это объясняется только тем, что такое слово трактуется как речевой такт. Французское ударение сигнализирует не о конечной границе слова как таковой, а о конце речевого такта, отрезка предложения, предложения в целом. Оттягивание ударения с последнего слога служит во французском языке исключительно целям «звуковой стилистики».

² «Связанное» ударение также является всего лишь особым (характеризующимся усилением голоса) комбинаторным вариантом отдельного слогоносителя.

во французском языке можно, например, назвать сочетание фонем «носовой гласный + m» (*un marin, on mange, grand'mère, emmener, nous vin-mes*); в английском — сочетания *ðs, ðz, sð, zd, ʃt, ʃs, šs, sš, dz* и мн. др.

Аналогичные фонематические групповые сигналы можно было бы привести для многих других европейских языков¹. Однако они нередко встречаются и в других географических зонах. Северогренландский знает только два типа сочетаний согласных: «г + согласный» и «смычный + согласный». Сочетания первого типа возможны только в середине слова, сочетания же второго типа выступают только на границе слов, где смычный (p, t, k, q) завершает предыдущее слово, а согласный начинает следующее слово. В языке тонкава (изолированно стоящий индейский язык в Техасе) сочетание «два согласных + ʒ» возможно только на границе двух слов, причем первый согласный принадлежит предыдущему слову; фонематическим сигналом границы слова является здесь и сочетание «ʒ + ʃ + согласный»; граница в этом случае проходит между ʃ и следующим согласным². В одном из диалектов дакота (диалект Santee) такие сочетания, как *tš, mt, mk, ms, mč, mħ, sk', ʃk', gs, gč, gb, pr*, возможны только на стыке морфем³. Из приведенных Идой Уорд правил употребления согласных и сочетаний согласных в начале и исходе слов языка эфик⁴ следует, что здесь сочетания «k, d, p + согласный», «t + согласный, кроме ʔ», «m + нелабиальный согласный», «n + неапикальный согласный» могут появляться только на стыке двух слов в предложении и оказываются, таким образом, фонематическими групповыми сигналами. Относительно тюркских языков весьма поучительный материал можно почерпнуть из гл. XII «Фонетики» В. Радлова⁵. В алтайских и абаканских диалектах, а также в казахском (казак-киргизском) языке сочетание «(глухой) шумный + сонант (j, m, n, r, l)» возможно лишь на стыке двух слов. В алтайских диалектах сочетания *tp, ts, tč (= čč), pp, st, sč, sp, št, šč, šp, šs, čq, čk, čt, čs, čp* свидетельствуют либо о стыке морфем, либо о словосочетании (цит. раб., стр. 226 и сл.). В казахском (231), в северных абаканских диалектах (229) и в алтайских диалектах, кроме телеутского, исконные *pq, rk* (поскольку они морфологически неразложимы) перешли в середине слова в *qr, kr*, в результате чего в настоящее время сочетания *pq, rk* в этих

¹ В отношении чешского см., например, перечень, приведенный Б. Трка в его работе «*Pokus o vědeckou teorii a praktickou reformu těsnopisu*», «*Sbírka pojednání rozprav*» (Facultas Philosophica Universitatis Carolinae), XX, 1937, стр. 40 и сл.

² Cp. Harry H o i j e r, *Tonkawa an Indian language of Texas*, «*Handbook of American Indian languages*», III (publ. by the University of Chicago)

³ Cp. Fr. B o a s and R. J. S w a n t o n, «*Handbook of American Indian languages*», I = «*Bureau of American ethnology*», Bulletin XL, 882.

⁴ Cp. Ida C. W a r d, *The phonetic and tonal structure of Efik*, Cambridge, 1933.

⁵ W. R a d l o f f, *Vergleichende Grammatik der nordlichen Türk Sprachen*, I. *Phonetik der nordlichen Türk Sprachen*, Leipzig, 1882.

диалектах стали свидетельствовать только о наличии сочетания морфем (или слов). Это же имеет силу и для сочетаний *qs*, *ks* в абаканских диалектах (229). В якутском языке сочетания фонем *t + k*, *t + s*, *s + t* всегда сигнализируют о границе слова (236, 238). В лакском языке в пределах одной морфемы возможны только такие сочетания согласных, которые имеют в своем составе плавный или носовой. Сочетания двух шумных всегда являются пограничными сигналами: сочетание «шумный + *s*» встречается как на стыке двух морфем, так и на стыке двух слов, а прочие сочетания шумных — лишь на стыке двух слов в предложении. В аварском языке, где внутри морфемы возможны самые разнообразные сочетания согласных, сочетание «лабиальный + плавный» внутри слова недопустимо: там, где оно должно появиться, возникает метатеза, например: *qomɔr* «волк» — эргатив *qomɔs-a* (<**qomɔs-a*), *xibil* «бок» — эргатив *xoibɔs-a* (<**xoibɔs-a*); ср. также заимствованные слова *iblis* «сатана» = араб. *iblis*, *q'ilba* «юг» = араб. *qibla* и т.д. Таким образом, сочетание фонем «лабиальный + плавный» в этом языке возможно лишь на стыке двух слов в предложении (например, *k'udijab ɔso* «большая деревня», *qəɣab ləmag* «белая овца» и т.д.) и должно рассматриваться как фонематический групповой сигнал.

Существуют языки, в которых разграничение значимых единиц дано уже заранее в самой фонематической структуре этих единиц. Так обстоит дело в так называемых односложных или изолирующих языках. В бирманском, где все слова (= морфемы) являются односложными и состоят либо из одной гласной фонемы, либо из сочетания «согласная фонема + гласная фонема», такие группы фонем, как «гласная + гласная» или «гласная + согласная», появляются только на стыке двух слов в предложении и являются, таким образом, фонематическими групповыми сигналами. В северокитайском, где морфема может заканчиваться либо гласным, либо дифтонгом, либо неопределенным носовым (либо, правда не во всех диалектах, неопределенным плавным), а начинаться либо гласным, либо согласным, граница между двумя морфемами в большинстве случаев обозначена совершенно однозначно сочетанием фонем, например сочетаниями «носовой + согласный», «плавный + согласный», «гласный + согласный». Равным образом однозначными фонематическими групповыми сигналами являются здесь, как правило, сочетание «гласный + гласный», поскольку не все сочетания гласных образуют дифтонги. Лишь в исключительно редких случаях фонематической структуры этого рода недостаточно, чтобы отграничить одну морфему от другой (например, *ɕaɔ* = *ɕaɪ* + *o* либо *ɕa* + *jo*); в таких случаях все решают афонематические факторы.

Афонематические групповые сигналы столь же распространен-

ны, как и фонематические. В качестве примера можно было бы привести противоположение велярных и палатальных *x*, *g* в немецком языке. Так как слоги *xə* и *gə* («*che*», «*ge*») произносятся после гласных заднего ряда (*u*, *o*, *a*, *au*) с велярными *x*, *g*, (*suche*, *Woche*, *Wache*, *gauche*, *Fuge*, *Woge*, *sage*, *Augе*), а в прочих положениях — с палатальными *x*, *g*, то надо полагать, что противоположение палатальных и велярных *x*, *g* перед *ə* фонологически абсолютно несущественно. В действительности веляризирующее влияние предшествующих *u*, *o*, *a*, *au* не выходит за пределы морфемы: в *im Zuge stehen* *g* является велярным, поскольку оно принадлежит той же морфеме, что и предшествующее ему *u*, но в *zugestehen* *g* является палатальным, поскольку между ним и *u* пролегает морфологическая граница (*cu-gə-šte-ən*). Равным образом в слове *machen* *x* является велярным, поскольку оно входит в ту же морфему, что и *a* (*max-ən*), но в слове *Mamachen* *x* является палатальным, поскольку между ним и *a* проходит морфологическая граница (*ma-ma-xən*). Таким образом, в немецком языке палатальная реализация *g* и *x* после гласного заднего ряда является афонематическим групповым сигналом. В английском языке можно было бы указать на распределение обоих *l*. Правило гласит, что *l* перед гласными является «светлым», а перед согласными и в исходе слова — «темным». Вернее было бы сказать не «перед гласными», а «перед гласным того же слова», ибо за пределами слова это правило недействительно. Таким образом, *l* в словосочетании *we learn* «мы учим» является «светлым» (фонетически *wilə:n*), а в словосочетании *will earn* «заработает» — «темным» (фонетически *wilə:n*). Следовательно, «светлое» и «темное» *l* в английском языке являются всего лишь комбинаторными вариантами одной фонемы, в сочетании же «гласный + *l* + гласный» противоположение «светлого» и «темного» варианта выполняет делимитативную функцию: «темная» реализация фонемы *l* в этом сочетании фонем свидетельствует о том, что между *l* и следующим гласным пролегает граница слова. В русском языке (так же как в немецком и английском) противоположение палатального и велярного *k* является афонематическим: перед *e*, *i* звук *k* произносится как палатальный, а во всех прочих положениях — как велярный. Это правило, однако, недействительно за пределами слова. Если одно слово оканчивается на *k*, а другое рядом стоящее начинается с *e* или *i*, то *k* остается велярным, а гласные *i*, *e* оказываются соответственно сдвинутыми назад (*e* > *E*, *i* > *и*), например: «к этому» произносится *kətəmü* (но «кета» произносится *k'etä*); «мог это» произносится *moketä*, «к из-бам» произносится *kusz'bät* (но «кис бы» произносится *k'izby*),

«друг и приятель» произносится *drũkũ pr'ijæt'ĩl'* (но «руки приятеля» — *tũk'ĩ pr'ijæt'ĩl'ə*). Таким образом, сочетания *ke*, *kũ* в русском языке являются групповыми сигналами, указывающими на наличие границы слов между фонемой *k* и следующими за ней гласными *e*, *i*. Перед *e* внутри морфемы в русском языке возможны только палатализованные согласные, в результате чего в этом положении корреляция по палатализации нейтрализуется, но если перед *e* пролегает морфологическая граница, то предшествующий согласный может не смягчиться; ср. «с этим», «из этого», «в этом», «под этим», «от этого» (произносятся *set'ĩm*, *izetəwə*, *vetəm*, *pādetĩm*, *ātetəwə*), где отсутствие палатализации перед *e* является афонематическим групповым сигналом морфологической границы. Русская фонема *ä* («безударное а») в начале слова, после гласных и в слоге, непосредственно предшествующем ударному, реализуется как *a*, а в прочих положениях — как *ə*. В таком звукосочетании, как *zvũkābrũvə(j)ĩsəgāzəm*, граница слова должна пролегать перед первым *a* (ибо после *k* в безударном слоге, не непосредственно предшествующем ударному, *a* должно было бы реализоваться как *ə*); с другой стороны, граница слов должна пролетать также между *ə* и *g*, ибо в слоге, непосредственно предшествующем ударному, в пределах одного и того же слова *a* должно было бы реализоваться не как *ə*, а как *a*; таким образом, приведенное выше звукосочетание может быть разложено на слова только одним-единственным способом, а именно: *zvũk ābrũvəjĩsə gāzəm* (фонологически: *zvũk ābrĩvəjĩsə gāzəm* «звук обрывается разом»). Тем самым звуки *a* и *ə* являются в русском языке комбинаторными вариантами фонемы *ä*, образуя по отношению к ударному слогу часть группового сигнала границы слова¹.

Особым видом афонематического группового сигнала является так называемая «гармония гласных». Здесь мы сталкиваемся с пограничными сигналами, которые занимают промежуточное положение между фонематическими и афонематическими. Выше мы уже рассматривали систему гласных языка ибо, где каждое слово может содержать либо только открытые, либо только закрытые гласные (стр. 119). Если в таком языке в словосочетании слог с открытым гласным оказывается рядом со слогом с закрытым гласным, то между этими слогами должна пролегать граница слов. В этом случае мы должны предполагать, конечно, пограничный сигнал;

¹ Ср. Н.Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923, стр. 70 и сл.

однако остается не совсем ясным, фонематическим или афонематическим является этот сигнал; ибо, с одной стороны, открытые и закрытые гласные являются разными фонемами, наделенными в определенных положениях (а именно в первом слоге корня) смыслоразличительными функциями, а с другой стороны, противоположение между открытыми и закрытыми гласными в непервом слоге корня (благодаря действию гармонии гласных) нейтрализуется. Аналогичный случай наблюдается также в финском языке, где, как уже говорилось выше (стр. 110), противоположения *u—y*, *o—ö*, *a—ä* в непервом слоге слова нейтрализуются после слога с *u*, *y*, *o*, *ö*, *a*, *ä*, в результате чего после *u*, *o*, *a* могут быть только *u*, *o*, *a*, а после *y*, *ö*, *ä* — только *y*, *ö*, *ä*. Если в словосочетании появляется другая последовательность гласных (например, *hyvä poika* «хороший ребенок», *iso pyssy* «большая банка»), то она сигнализирует о наличии границы между двумя словами. Однако имеются и совершенно явные случаи афонематических пограничных сигналов при «гармонии гласных». В ламба безударные *e*, *o* в непервом слоге после слога с *ē*, *ō*, *ī*, *i*, *ū*, *u* реализуются как узкие *e*, *o*, а в остальных случаях — как открытые *ε*, *ɔ*¹: открытый характер этих вариантов фонем после слога с *i*, *u* сигнализирует вместе с тем о том, что между ними пролегает граница слов. Точно так же обстоит дело в зулу, где *e*, *o* перед слогом с *i*, *u*, *m*, *n* в пределах одного слова являются закрытыми, а в прочих положениях — открытыми (*ε*, *ɔ*)². Открытый вариант фонем *e*, *o* перед слогом с *i*, *u*, *m*, *n* является сигналом наличия границы слов непосредственно после *e*, *o*. В тамильском языке *e*, *ē*, *o*, *ō* реализуются в положении перед *i*, *ī* как закрытые, а в положении перед *a*, *ā* — как открытые гласные³; где этот закон нарушается, там граница слова проходит после фонем *e*, *ē*, *o*, *ō*. От «гармонии» гласных в собственном смысле этого слова следует отличать так называемый сингармонизм, который наиболее явным образом обнаруживается в ряде тюркских языков (например, в языке волжских или казанских татар, в башкирском, казахском и в кипчакском диалекте узбекского языка и т.д.). С чисто фонетической точки зрения сингармонизм состоит в том, что каждое слово в этих языках может содержать либо только передние гласные и палатализованные согласные, либо только задние

¹ Cp. Clement M. D o k e, A study of Lamba phonetics, «Bantu studies», 1928.

² Cp. Clement M. D o k e, The phonetics of the Zulu language, «Bantu studies», II, 1926 (Special number).

³ Cp. J. R. F i r t h, A short outline of Tamil pronunciation, 1934.

гласные и веляризованные согласные¹. Поскольку такой сингармонизм действует только в пределах слова, то звуковые сочетания «палатализованный согласный либо передний гласный + веляризованный согласный либо задний гласный» и «веляризованный согласный, либо задний гласный + палатализованный согласный, либо передний гласный» являются во всех случаях знаками того, что граница слов пролегает между обоими элементами этих сочетаний. Другой ряд равным образом афонематических групповых сигналов разграничения слов в тех же языках вытекает из закона так называемого губного притяжения, согласно которому гласная фонема непервого слога, характеризующаяся с фонологической точки зрения тем, что она не принадлежит к какому-либо тембровому классу, реализуется после известных лабиализованных гласных как лабиализованный гласный²; в том месте звукового потока, где этот закон нарушается, проходит граница между словами. Явления, родственные сингармонизму и губному притяжению, кроме тюркских языков, присущи также ряду финно-угорских языков, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, и всюду они выполняют функцию пограничных сигналов, указывающих на границу между словами.

Сингармонизм можно сравнить с тональностью в музыке: в «сингармоническом» языке каждое слово представляет собой как бы ряд звуков, имеющий определенную тональность, причем язык знает только две такие тональности, и изменение ее внутри предложения используется в качестве сигнала границы между словами. Но если в «сингармонических» языках слово представляет собой, так сказать, единство в плане характерного тона, то в других языках оно рассматривается как определенное ритмическое единство. Существуют языки с «несвободным», «связанным»

¹ Ср. Халимджан Ша-раф, Палатограммы звуков татарского языка, Казань, 1927, особенно стр. 35 и сл. Фонологически дело выглядит несколько иначе. Так как согласный *j* не имеет палатализованных или веляризованных разновидностей, а многие слова состоят только из гласного и *j* (а) «месяц», а) «медведь» и т.д.), то гласные могут иметь определенный тембровый признак и независимо от окружающих их согласных, тогда как согласные палатализируются или веляризируются лишь в сочетании с гласными (приведенные Ша-рафом на стр. 37 цитированной работы лишённые гласных междометия *pŕt*, *k'ŕt* и т.д. не являются обычными словами). Таким образом, противоположения по тембровому признаку у гласных являются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами без смысловоразличительной, но с делимитативной функцией.

² Ср. к этому W Radloff (цит. раб., гл. I—III), а также исчерпывающий обзор у В.А. Богородицкого, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 58—73.

ударением, в которых наряду с главным ударением имеется второстепенное ударение (регулируемое тоже автоматически). Иной раз при этом распределение экспираторного удара затрагивает все количественные отношения и даже качественные признаки гласных и согласных. Так, в южном пайуте (шошонская группа юто-ацтекских языков), где главное ударение падает на вторую мору слова, а второстепенное — на четные (то есть на четвертую, шестую, восьмую и т.д.) моры, «слабые» (то есть не несущие на себе ни главного, ни второстепенного ударения) моры в положении перед геминированными согласными оказываются глухими. Перед такими глухими гласными смычные произносятся, как глухие придыхательные, а длительные (фрикативные, носовые и г) — как глухие согласные. В положении же перед звонкими гласными смычные являются (глухими, но) непридыхательными, а длительные (кроме сибилантов) — звонкими. Краткий гласный в исходе слова всегда является глухим независимо от распределения ударения¹. Таким образом, ритмическая структура слова поддерживается реализацией всех фонем, и любое нарушение этой ритмической инерции, свидетельствующее во всех случаях о конце одного слова и о начале другого, приобретает тем самым особую отчетливость. Во многих финно-угорских и самодийских (самоедских) языках с постоянным ударением, падающим на начало слова, второстепенное ударение приходится на нечетные слоги или моры слова (то есть на третий, пятый, седьмой и т.д.)². Так возникает известная ритмическая инерция, нарушение которой сигнализирует границу между словами. В некоторых из этих языков ритмическая инерция слова усугубляется еще различными другими отчасти фонематическими, отчасти афонематическими средствами. Так, в саамском (лопарском) приморском диалекте Мааттывуоно непосредственно за гласным четного (то есть второго, четвертого, шестого и т.д.) слога не могут следовать ни с, з, џ, ж, д', г, д, н, п', л', ни геминированные согласные; в этой позиции весьма ограничено и число возможных в данном языке сочетаний согласных (sk, st, sn, št, šD, jD, lD, rD, lG, rG, lm). К этим фонематическим средствам подчеркивания противоположности между четными и нечетными слогами слова присоединяются еще афонематические: гласные чет-

¹ Cp. Edward Sapir, The Southern Paiute language (Proceedings of the Amer. Acad. of Arts and Sciences, LXV, № 1-3, § 8-10, 12).

² Нечетные моры имеют второстепенные ударения, например в нганасанском языке: kúa «береза» — лок. kúatānu, но lū «одежда» — лок. lū'tānu и т.д. Обыкновенно в большинстве этих языков дополнительное ударение падает на нечетные слоги (Г. Прокофьев в «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 56).

ных слогов в положении между глухими согласными являются «сверхкраткими» и шепотными, а сильные *p, t, k* после гласных четных слогов всегда аспирированы. Тем самым трохеический ритм слова закрепляется не только в чередованиях ударения, но и во всем звуковом составе отдельных слогов. К тому же и «темп», в котором реализуются слоги, оказывается обусловленным характером всего слова: длительность одного и того же этимологически долгого или краткого гласного в одном и том же консонантном окружении зависит от того, в первом или в первом слоге находится этот гласный, а также от того, какое число слогов содержит данное слово¹. Таким образом, в данном диалекте слово представляет собой ритмическое единство, и нарушение ритмической инерции в отдельных местах словосочетания оказывается сигналом границы между словами. Следует заметить, что такие языки, как самский (лопарский), лишь особо отчетливо выявляют тенденцию к афонематическому («фонетическому») объединению слова в ритмическое единство. Однако в менее четко выраженной форме эта тенденция господствует и во многих других языках (причем не только в языках со «связанным» ударением).

Что слово может быть и мелодическим единством, совершенно ясно и без доказательств. Разумеется, особенно ярко это обнаруживается там, где ударение является преимущественно «музыкальным», то есть в моросчитающих языках. В литовском языке внутри одного слова предударные слоги являются восходящими, а послеударные — нисходящими². Там, где в потоке речи такое отношение нарушается, то есть там, где слог с нисходящим ударением оказывается перед слогом с восходящим ударением, между обоими слогами должна пролегать граница двух слов. Таким образом, и здесь афонематический групповой сигнал, свидетельствующий о границе двух слов, вытекает из общей мелодической структуры слова.

В заключение следовало бы еще сказать, что в некоторых случаях трудно решить, с фонематическим или афонематическим пограничным сигналом мы имеем дело. В известных среднеиндийских («пракритских») диалектах, например в махараштри, смычные *p, ph, b, t, th, d, dh, k, kh, g, gh, c, ch, j, jh* после краткого гласного внутри простого, то есть несложного, слова были всегда геминированными; негеминированными после краткого гласного они оставались только тогда, когда оказывались в нача-

¹ Paavo Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialektes von Maattivuojo, стр. 56 и сл., 59 и сл., 78 и сл.

² Аналогичные отношения, видимо, следует принять и для славянского языка.

ле второго компонента сложного слова, например: *digghakaṇṇo* «осел» = *diggha* «длинный» + *kaṇṇo* «ухо». Геминированные и негеминированные смычные лабиального, апикального, гуттурального и палатального рядов можно было бы, таким образом, рассматривать как два комбинаторных варианта, а сочетания «гласный + негеминированный смычный» — как афонематический групповой сигнал границы между словами (либо соответственно границы между компонентами сложного слова). Однако это отношение было затемнено тем, что некоторые согласные в махараштри (а именно звонкие ретрофлексивные смычные *ḍ*, *ḍh*, носовые *ṇ*, *m*, плавный *l* и спирант *s*) участвовали в фонологически значимой корреляции геминации¹. Это обстоятельство дает некоторые основания рассматривать консонантные противоположения по геминации как фонематические, так что *k* (в *digghakaṇṇo* «осел») и *kk* (в *vakkala* «ряса») следует, быть может, трактовать не как комбинаторные варианты, а как две разные фонемы (в этом случае сочетание «гласный + негеминированный лабиальный, апикальный, гуттуральный или палатальный» следовало бы рассматривать как фонематические групповые сигналы).

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний по поводу комбинаторных вариантов. В последнее время среди фонологов вновь раздался голос, требующий изгнания комбинаторных вариантов из фонологии². Согласно им комбинаторные варианты относятся к сфере речи, обязаны своим существованием физиологии звука и поэтому не имеют никакого отношения к фонологии; если же фонологи все еще упоминают о них и принимают их во внимание, то это якобы является пережитком старой фонетической точки зрения или уступкой диахроническому (историческому) учению о звуках. Здесь мы сталкиваемся с явной недооценкой роли комбинаторных вариантов. Ведь комбинаторные варианты это не только окказионально обусловленные естественные феномены, но и телеологически обусловленные явления, имеющие определенную цель и выполняющие определенную функцию³. Их функция состоит в том, что они сигнализируют наличие другого языкового элемента в непосредственном окружении, то есть наличие либо определенной фонемы, либо границы слова (или морфемы), либо того и другого одновременно. Ясно, что там, где комбинаторный вариант свидетельствует непосредственно о наличии границы слова (или морфемы), его функция относится к сфере языка (*langue*). Ведь разграничение морфем в составе слова принадлежит языку (то есть, по выражению Есперсена, является «глотическим») не в меньшей мере, чем различение слов. С другой стороны, комбинаторный вариант, указывающий лишь на наличие какой-либо фонемы в непосредственном окружении, явно нужно отнести к сфере речи (*parole*), ибо только

¹ Cp. R. Pischel, *Grammatik der Prākṛit-Sprachen*, «Grundr. d. indoarischen Philol.», Straßburg, 1900 и H. Jacobi, *Ausgewählte Erzählungen im Māhārāṣṭrī*.

² L'udovít Novák, *K základným otázkám štrukturálnej jazykovedy*, «Sborník Matice Slovenskej», XV, 1937, № 1.

³ Cp. Н.Ф. Яковлев, *Таблицы фонетики кабардинского языка*, М., 1923, стр. 73 и сл.

для речевого акта имеет смысл добиваться надлежащего восприятия фонемы не только путем реализации ее как таковой, но еще и посредством дополнительных моментов в реализации окружающих фонем. Это «стремление обеспечить восприятие» как раз и предполагает установку на говорение, столь характерную для речи (*parole*), но чуждую языку (*langue*) как таковому. В тех комбинаторных вариантах, которые свидетельствуют одновременно как о наличии какой-либо фонемы в непосредственном окружении, так и об отношении к границе слова (или морфемы), мы имеем переходный случай. Такие комбинаторные варианты (то есть афонематические групповые сигналы) стоят где-то между языком и речью и требуют, таким образом, к себе внимания как со стороны фонологов, так и со стороны фонетистов. Конечно, определенные последовательности, где афонематические групповые сигналы отмечают границы между словами, встречаются только в актах речи, но правила произношения, из которых вытекают подобные групповые сигналы, все же принадлежат к сфере языка, так же как синтаксические правила сочетания слов и согласования.

IV. Положительные и отрицательные пограничные сигналы

Все рассмотренные до сих пор пограничные сигналы были положительными. Они прямо свидетельствовали о том, что в определенном месте находится граница слова или морфемы. Но, помимо этого, возможны и отрицательные пограничные сигналы, которые прямо указывают на отсутствие границы в определенном месте. Их роль можно было бы сравнить с зеленым светом светофора (на улицах или железных дорогах), который как бы говорит пешеходу или пассажиру о том, что в данном месте путь не опасен и что можно смело идти или ехать дальше. Помимо таких общих отрицательных пограничных сигналов, языку известны еще ограниченные односторонние отрицательные пограничные сигналы, которые свидетельствуют только о том, что во всяком случае в данном месте не может начаться или кончиться слово. Все отрицательные пограничные сигналы могут быть как афонематическими, так и афонематическими, как групповыми, так и единичными. Приведем ряд примеров на отрицательные пограничные сигналы каждого рода.

1. Фонематические отрицательные сигналы

А. Единичные сигналы

Под фонематическими отрицательными единичными сигналами следует понимать такие фонемы, которые в данном языке встре-

чаются лишь внутри слова (или морфемы). В финском языке к ним относятся фонемы *d* и *ŋ* (всегда геминированное; *ŋŋ* пишется *ng*). В тамильском к ним относятся *ŋ*, ретрофлексные *ɟ*, *ʃ* и (гуттуральный) плавный *λ*. В казахском (раньше «казак-киргизский»), киргизском (раньше «кара-киргизский»), а также в тюркских диалектах бассейна Иртыша звонкие гуттуральные *ɣ*, *g* возможны только внутри слова, а не в начале и не в исходе его. В тубатулабал все звонкие шумные (*b*, *d*, *g*, *ʒ*, *ʒ*) находим только внутри слова. Точно так же только внутри слова возможны фонемы *h* и *ɣ* в языке эфик.

Ограниченными односторонними отрицательными сигналами можно назвать *ŋ* в немецком, английском, голландском, датском, норвежском и шведском языках и *p* (*gn*) во французском языке; эти фонемы возможны внутри и в исходе слова, но не в начале его. То же самое следует сказать о *ɣ* в чеченском и эвенкийском (тунгусском), о «единственном плавном» (реализующемся как *ɣ* в положении между гласными и как *l* в исходе слова) в корейском языке, о *p*, *t*, *k*, *ɟ*, *ʒ*, *ʒ*, *θ*, *ð*, *ɣ*, *p*, *l* в приморском саамском (лопарском) диалекте Мааттывуоно, о *b*, *d*, *k*, *g*, *c*, *ɛ* в ненецком (юрако-самоедском), о *p* в эфик и т.д. С другой стороны, *h* в немецком, английском, ненецком (юрако-самоедском), арчинском и ряде других языков возможно в начале и середине слова, а не в исходе его. То же следует сказать и о *g*, *k*, *k'* в хайда, о *s*, *f*, *p*, *kr* в эфик и т.д. Есть языки, где в исходе слова допустимы лишь гласные или, помимо гласных, лишь очень ограниченное число согласных (*v*, *ρ*, *ς* в древнегреческом языке, *n*, *ɾ*, *l* в итальянском, *n*, *t*, *s* в финском и т.д.); в таких языках все согласные (за указанными исключениями) следует рассматривать как сигналы, «отрицающие исход слова».

Б. Групповые сигналы

В финском языке, где в начале и в исходе слова вообще невозможны скопления согласных и где, кроме того, в исходе слова встречаются только гласные и согласные *n*, *t*, *s*, любое скопление согласных, первым элементом которого не является *n*, *t* или *s*, представляет собой отрицательный фонематический групповой сигнал: в таких словах, как *kahdeksan* «восемь», *hupsu* «глупый», *selkä* «спина» и др., сочетания *hd*, *ks*, *ps*, *lk* указывают на середину слова. Эту же функцию выполняют здесь все геминированные согласные (за исключением *nn*, *ss*, *tt*, которые встречаются не только в середине, но и на стыке слов, например: *mies seisoo* «мужи-

на стоит», *pojat tansivat* «дети пляшут», *nainen neuloo* «женщина шьет» и т.д.). В таких языках, как русский, в котором шумные в исходе слова всегда являются глухими, сочетание «звонкий шумный + гласный или сонант» во всех случаях свидетельствует о том, что между компонентами этого сочетания не проходит граница между словами. В северогренландском, где *ɾ* не встречается в исходе слова, сочетание «*ɾ* + согласный» является во всех случаях знаком середины слова; то же следует сказать и о сочетании «*l* + согласный (кроме *s*)» в древнегреческом языке. В немецком языке, по-видимому, единственным отрицательным фонематическим групповым сигналом является сочетание *dl*, возможное только внутри слова. Вообще отрицательные фонематические групповые сигналы встречаются относительно редко.

2. Афонематические отрицательные сигналы

А. Единичные сигналы

Если та или иная фонема имеет в начале или исходе слова свойственный только этой позиции вариант, то любая иная реализация той же фонемы оказывается *eo ipso* отрицательным пограничным сигналом. Выше мы уже говорили, что придыхание у фонем *p^h*, *t^h*, *k^h* в тамильском языке следует рассматривать как положительный афонематический пограничный сигнал, поскольку данные варианты возможны только в начале слова: соответственно фрикативные варианты тех же фонем (*v*, *ð*, *x* или *h*) следует рассматривать как отрицательный афонематический пограничный сигнал, поскольку они возможны только в середине слова (между гласными). В японском языке, где «*g*» реализуется в начале слова как звонкий шумный *g*, а внутри его — как носовой *ŋ*, *g* является положительным, а *ŋ* — отрицательным афонематическим пограничным сигналом. В корейском языке, где «единственный плавный» реализуется в исходе слова как *l*, а внутри его — как *ɾ*, *l* является положительным, а *ɾ* — отрицательным афонематическим пограничным сигналом. Во многих тюркских языках Сибири (например, в диалектах Алтая, Барабинской степи, в телеутском, шорском, в диалекте кюэрик и т.д.) все шумные реализуются в начале и исходе слова как глухие (*q* соответственно *x*, *k*, *p*, *t*, *s*, *ʃ*, *c* соответственно *č* или *ʈ*), а в середине слова между гласными — как звонкие (*ɣ*, *g*, *b*, *d*, *z*, *ʒ*, *ʒ̞*)¹, что дает начало отрица-

¹ Ср. W. R a d l o f f, цит. раб., стр. 128 и сл., 173 и сл., 199 и сл.

тельным афонематическим пограничным сигналам. Точно так же шумные хантыйского (остяцкого) языка в начале и исходе слова являются глухими, а в середине слова — более или менее звонкими¹. В немецком и венгерском языках *h* в начале слова (а в венгерском также в исходе слова) является глухим, а в середине слова между гласными (*Uhu, Oho!*) — звонким².

Б. Групповые сигналы

Все, что было сказано о единичных сигналах, сохраняет свое значение и в отношении отрицательных афонематических групповых сигналов. Как правило, положительному афонематическому групповому сигналу противостоит отрицательный. Так, в немецком языке сочетание звуков «гласный заднего ряда + палатальное *g*» сигнализирует о том, что между обоими звуками пролегает морфологическая граница, но сочетание звуков «гласный заднего ряда + велярное *g* (перед *э*)» свидетельствует об отсутствии границы между гласным и *g*; в английском языке, где сочетание звуков «темный *l* + гласный» является положительным афонематическим пограничным сигналом, сочетание звуков «светлый *l* + гласный» свидетельствует о том, что между компонентами этого сочетания не пролегает граница двух слов. Большинство приведенных выше примеров на положительные афонематические групповые сигналы имеют соответствия в виде отрицательных групповых сигналов. Правда, так бывает далеко не всегда. В языке с последовательно проведенным сингармонизмом нарушение сингармонизма (например, столкновение гласного переднего ряда с веляризованным согласным) является положительным пограничным сигналом, однако сохранность сингармонизма не функционирует ни как положительный, ни как отрицательный сигнал, ибо два слова с «гласными заднего ряда» и, наоборот, два слова с «гласными переднего ряда» с полным успехом могут следовать друг за другом, не нарушая сингармонизма.

К отрицательным афонематическим групповым сигналам принадлежит также удлинение ударного гласного внутри слова в итальянском языке. Как известно, такое удлинение никогда не бывает у ударных гласных в исходе слова; оно возможно лишь в отношении ударных гласных предпоследнего или предпредпоследнего слога, притом только перед гласным,

¹ Однако лишь факультативно с большими индивидуальными колебаниями. Ср. В. К. Штейниц, «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 202.

² То же самое в ненецком (юрако-самоедском); ср. Г. Н. Прокофьев, «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 13.

перед интервокальным согласным и перед сочетанием «согласный + плавный (г, ц, ї)». Если принять во внимание, что последний слог слова в итальянском языке может находиться под ударением только в том случае, если он оканчивается на гласный, и что, с другой стороны, итальянское слово может открываться либо только гласным, либо одним согласным, либо сочетанием «согласный + г, ц, ї», либо, наконец, сочетанием «s + согласный», то смысл удлинения ударного гласного в итальянском языке станет совершенно понятным. Это удлинение исключает возможность границы слова после ударного гласного и появляется лишь в положениях, где можно предполагать такую границу, иными словами, перед звуками и звукосочетаниями, которые могут стоять и в начале слова. Удлинение ударного гласного в положении перед «т, п, л, г + согласный» было бы бессмысленным, ибо такое сочетание звуков после ударного гласного уже само по себе является (фонематическим) отрицательным групповым сигналом. Лишь перед сочетанием «s + согласный» отсутствие удлинения ударного гласного может дать повод к недоразумениям; ведь такое сочетание, как *velocità straordinaria*, можно было бы разложить на *velocitàstra ordinaria*. Но поскольку слова, начинающиеся на «s (или z) + согласный», составляют менее чем 8% всех итальянских слов, то случаи, где такое недоразумение могло бы иметь место, являются крайне редкими. Таким образом, удлинение ударного гласного в итальянском языке является одним из самых важных отрицательных афонематических групповых сигналов.

V. Употребление пограничных сигналов

По использованию пограничных сигналов языки очень отличаются друг от друга. В одних языках эти сигналы указывают главным образом (и даже исключительно) на границу между морфемами, в других — на границу между словами. К первому типу принадлежит, например, немецкий: все пограничные сигналы, служащие здесь целям разграничения слов, используются также для разграничения морфем; но, помимо того, здесь имеется ряд сигналов, которые служат лишь для разграничения морфем, а не слов. Сочетание согласных *dl* (например, *redlich*, *Siedlung*), видимо, является здесь единственным сигналом, который в качестве отрицательного фонематического группового сигнала имеет отношение к слову, а не к морфеме. В противоположность этому существует множество языков, в которых границы морфем не отмечаются вовсе, но зато границы слов отмечены определенными пограничными сигналами: к таким языкам относится, например, финский, в котором границы слов отмечены положительно «связанным» начальным ударением на первом слоге слова и отрицательно согласными *d, n*, геминатами (кроме *tt, nn, ss*) и сочетаниями согласных (кроме «*n, t, s + согласный*»), тогда как границы морфем не имеют никаких

специфических признаков и иногда даже проходят внутри «долгой» (геминированной) фонемы (talo «дом», иллатив taloon; vesi «вода», партитив vettä и т.д.). Хотя многие языки принадлежат в этом отношении к смешанному типу, однако в большинстве из них можно обнаружить определенную склонность к предпочтительному обозначению либо границ между морфемами, либо границ между словами. Эти два основных типа имеют большое значение для всей структуры лексики.

Выступая в заимствованных словах в качестве замены чужих фонем и сочетаний фонем, положительные фонематические пограничные сигналы могут быть использованы и не в делимитативной функции. Такое использование положительных единичных сигналов не встречает особых препятствий. Что же касается отрицательных фонематических единичных сигналов, то перенос их в не свойственное им положение осуществляется не столь просто: немцу нелегко передать «экзотические» собственные имена с начальным *ŋ* (*ng*), финну доставляют трудности иностранные слова с начальным *d* и с конечным *v*. Что касается фонематических групповых сигналов, то использование их не в делимитативной функции для передачи иноязычных сочетаний фонем возможно только в тех языках, где эти пограничные сигналы обычно отмечают границы морфем. Такие слова, как *pneumatisch*, *Sphäre*, *Szene*, *Kosmos* и т.д., немец может произнести довольно легко, потому что сочетания фонем *pn*, *sf*, *sc*, *sm* встречаются также и в исконно немецких словах, а именно в качестве фонематических групповых сигналов, отмечающих границы морфем (*abnehmen*, *Ausfuhr*, *Auszug*, *ausmachen*). Но в аварском языке, где сочетание «губной + плавный» является групповым сигналом границы между словами, а не между морфемами, такое сочетание недопустимо даже в заимствованных словах. Таким образом, неодинаковое отношение различных языков к сигнализации границ между словами или морфемами оказывает известное влияние на усвоение этими языками заимствованных слов.

Сочетания фонем, функционирующие в исконно родных словах в качестве пограничных сигналов, а в заимствованных словах лишенные этой функции, конечно, весьма неудобны. Весьма частое употребление заимствованных слов, в которых такие сочетания встречаются, ослабляет их делимитативный потенциал. Поэтому стили речи, которым присуще частое употребление заимствованных слов, характеризуются одновременным ослаблением делимитативной функции, поскольку фонематические пограничные сигналы как таковые ослаблены. В языке, который в целом богат фонематическими пограничными сигналами и в котором эти сигналы направлены специально на разграничение морфем, возникает тем

самым большой разрыв между «обычным» и переполненным иностранными словами стилем речи. Последний кажется особенно утомительным. Это является одной из причин возникновения в ряде языков пуризма, то есть стремления создать язык науки без обращения к иностранным словам. Этот органический, коренящийся в самой фонологической структуре языка пуризм следует отличать от наносного, обусловленного культурно-историческими причинами пуризма. Немецкий пуризм является скорее органическим. Немецкому языку не приходилось бороться за свое существование или равноправие. Для немецкого языка в роли международного средства общения было бы гораздо выгоднее заимствовать как можно больше иностранных слов (ср., например, английский). И если тем не менее в немецком языке время от времени заявляли свои права сильные пуристические устремления, то причина этого коренится (по крайней мере в большинстве случаев) в специфической фонологической структуре немецкого языка: в относительно небольшом числе типов морфем, в их четкой фонематической структуре и в большом числе фонематических пограничных сигналов, благодаря которым морфемы четко отграничиваются друг от друга.

Различие между преимущественно словоразграничивающими и преимущественно морфеморазграничивающими языками не является единственным, которое учитывается типологией делимитативной функции. Очень важно также установить, какие типы пограничных сигналов предпочитают и как эти типы распределяются: не используются ли, например, афонематические пограничные сигналы для обозначения границ между словами, а фонематические — для разграничения морфем. Важно также направление ограниченных отрицательных сигналов и место положительных единичных сигналов: многие языки предпочитают отмечать начало нового слова, а в других языках отмечается главным образом конец слова.

Весьма важной для характеристики языка с точки зрения его делимитативного потенциала является, разумеется, статистика пограничных сигналов в связных текстах. Сигналы, как правило, распределяются весьма неравномерно: в таком, например, шестисложном предложении, как *Die Hausfrau wäscht mein Hemd* «Хозяйка стирает мою сорочку», все шесть границ между морфемами отмечены пограничными сигналами (*di-haus-frau-veš-t-mæin-hemt*)¹, а в таком десятисложном предложении, как *Am Boden saßen drei kleine Buben* «На земле сидели три маленьких мальчика», ни одна граница между морфемами и словами не отмечена фонологически.

¹ Ср. анализ этих примеров в «*Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences*», стр. 49 и сл.

В связных текстах довольно больших размеров такая неравномерность распределения пограничных сигналов в общем уравнивается, так что каждый язык характеризуется в этом отношении неким средним числом. Средние числа для каждого языка бывают разными. Есть языки, которые характеризуются не только весьма незначительным числом пограничных сигналов, но и весьма ограниченным использованием их, в результате чего лишь весьма незначительный процент границ между словами или морфемами в пределах одного связного текста оказывается отмеченным теми или иными сигналами. К таким языкам принадлежит, например, французский, который придает весьма мало значения разграничению слов (соответственно морфем) в предложении. Другие языки, наоборот, обнаруживают чрезмерную склонность к пограничным сигналам, поскольку они, помимо «связанного» ударения, отмечающего все границы между словами, используют еще целый ряд других пограничных сигналов, в результате чего число этих сигналов в связных текстах порой превышает число разграничиваемых единиц. Так, например, в тамильском языке (по крайней мере в текстах, приложенных Фиртом к его *A short outline of Tamil pronunciation*) почти 80% всех границ между словами отмечены специальными пограничными сигналами, хотя тамильский язык и без этого обладает «связанным» ударением, падающим на первый слог слова (а также второстепенным ударением, падающим на конечные слоги длинных слов), которое в достаточной мере обеспечивает разграничение слов. Немецкий язык точно так же принадлежит к «любящим разграничения» языкам: здесь в связных текстах почти 50% всех границ между способными нести ударение и проклитическими, не способными нести ударение морфемами отмечены специальными пограничными сигналами, правда, только в таких стилях речи, которые не проявляют излишеств в использовании заимствованных слов.

Таким образом, от статистики не уйти и при исследовании делимитативной функции звуков. Правда, в этом случае возможна почти исключительно лишь статистика текста. Разумеется, здесь возникают те же трудности, что и при рассмотрении статистики фонем, и эти трудности должны преодолеваются таким же образом, как и там. Но поскольку обстоятельные статистические исследования различных языков проводились до сих пор в недостаточной мере, то сказать что-либо определенное по этому вопросу почти невозможно.